

Александр ОЖИГАНОВ

(1944–2019)

60/65

Публикация **Светланы Варкан-Ожигановой**

От публикатора: Стихи этой книги Александр Федорович Ожиганов писал в период между своими 60-ти и 65-летиями. Тогда же он работал над книгами «Утро в полях» и «Откуда есть пошла...» (стихотворное переложение русских летописей).

Тема «60/65» – «я» и индивидуальное, настоящее время, центральное событие – смерть друга. Память, прошедшее время – это тема следующей поэтической книги – «Караван». Несколько стихотворений из книги «60/65» публиковались: «Воспоминание о Бессарабии» (с посвящением Кате Капович), и «...хоронили бедного Бориса...» (с заголовком «Памяти Бориса Викторовича») – в подборке «Некоторые послания и посвящения» в журнале «Волга-XXI век» в № 9 за 2007 год¹; «Воспоминание о Бессарабии» вошло в подборку стихов Александра Ожиганова, опубликованную в сетевом издании «Середина мира»², а также в книгу «Утро в полях» (Самара: Цирк «Олимп» + TV, 2012. Поэтическая серия)³. Еще одно-два стихотворения передавались для публикации⁴.

Книга «60/65» представляет собой авторскую чистовую рукопись. Сразу после текста в тетради оставлены пустыми три листа, возможно, для следующих стихов этой книги. В черновиках есть ещё несколько стихотворений вполне законченных, одно из них включено в состав настоящей публикации (выделено курсивом).

Абстрактная категория

Я убиваю время? – наоборот:
это время меня и в сортире мочит...

Что за штука такая? – идет, идет,
останавливаться не хочет.
Кто у нас тепленьких утром берет со сна
и железным хронометром бьет по темени?
Может, Козырев в Пулкове что-то знал,
да сказать не успел – не хватило времени.

¹ <https://magazines.gorky.media/volga21/2007/9/nekotorye-poslaniya-i-posvyashheniya.html>

² <https://seredina-mira.narod.ru/a-ozhiganov.html>

³ <https://www.cirkolimp-tv.ru/files/books/ojiganov.pdf>

⁴ См.: Захохотал незримый бог // Независимая газета (ng.ru): «...в так и не увидевшем свет номере “Апреля” № 34 Света <Литва> обнаружила интереснейшие стихи Ожиганова: “хорошо бы мне/ помереть во сне/ без надрывных драм// отходя ко сну/ виду не подам/ глазом не моргну/ отвернусь к стене// хорошо бы мне/ ускользнуть без виз// не сказать ясней:/ смерть страшна но жизнь/ во сто раз страшней// пожелайте мне/ помереть во сне”, а также “Автоэпитафию”...».

И накануне Рождества
ты жив! жив! жив! и все прекрасно

реальнее всего абстракция:
аз буки веде еры ять...
жизнь – одноразовая акция
ну сколько можно повторять:
жизнь – одноразовая акция
где вперемешку рай и ад
и все – диффузия дифракция
распад

сжимаю крепче ручку мальчика
бегущего со мною в лес
природа нам не мать а мачеха
и больше никаких чудес
не будет

только в пальцах палочка
летает вверх и вниз опять
и не кончается считалочка...

ну сколько можно повторять?

день прошел в шатанье вялом
по квартире

полночь мрак
человек под одеялом
не согреется никак

он совсем устал еще бы! –
походи туда-сюда
отопление хрущобы
не годится никуда
и барахтаться нет силы
опуститься бы на дно

холодно темно и сыро
сыро холодно темно

К шестидесяти годам
я сам за себя не дам
и ломаного гроша
под сводами там Нотр-Дам
все как под мостом клошар

пустой как мешок из-под
картошки который год
(и плесенью седина
отсвечивает) урод
упрямо стремится на

хотя и никто не шлет
как будто но некий счет
предъявлен как будто кем-
то: мол плати идиот
за то что ... и дальше – тем-

нота темнота и тишь
так что ты там говоришь
нахрапистой кредитор? –
получишь в итоге шиш
беря меня на измор

за жабры меня беря
впустую все брат все зря
ведь не было ни шиша
и нет

ты вот уверял
как будто что мол душа

как будто есть у добра
(«хитер мол хитер бобер!»)

что ж! – этакого добра
не жалко там дал-забрал
и баста закончен спор

*Шестьдесят мне исполнилось лет
и я понял...*

А. Кушнер

шестьдесят тебе стукнуло лет.
а ты так ничего и не понял.
Ты – поэт? ха! – затюканный шкет.
недостаточно точен ответ? –
скажем так: ты конечно не пони
но должно быть изрядный осел
раз стоишь где стоишь упираясь
хоть никто и не тянет: пошел! –
ни в геену¹ ни к прелестьям рая.

¹ Так в рукописи. – Прим. публикатора.

вот некто вроде бы в трико
из серой с бахромой дерюги
снует не слышно и легко
рукой выписывая дуги.
нет шеи. вместо головы
как будто круглая подушка.
и грубые – по кругу – швы.

(куда же подевалась кружка?)

а вместо глаз зияя тьмой
в подушке две глубоких дырки
с короткой рваной бахромой.
такая же и на затылке.
копается в твоём шкафу:
берет кладет и исчезает...

перевести дыхание. фу...
кто это был? – черт его знает!
ты только что забил козла.
пьешь пиво. только что из душа.
и никому не сделал зла.

кто это был? – Где, дорогуша?
и догадаться не посметь
хоть знал же с самого начала
что это? – ну конечно! – смерть
тебя дружочек навещала

Жить в городе другом- как бы не жить
А. Кушнер

я не жил на волге четверть века
на днестре я десять лет не жил
не было в парканах человека
с кем бы я хоть раз заговорил
за четыре года

на тоболе
целый год мне не было житья
в вологде – где? где? – вот где: в неволе –
в сапожищах маялся не я

в тесноте и тьме но не в обиде

пепел не жилья ссыпай в ручей

десять лет москвы-реки не видел
говорят что я живу на ней

хорошо бы мне
помереть во сне
без надрывных драм

отходя ко сну
виду не подам
глазом не моргну
отвернусь к стене

хорошо бы мне
ускользнуть без виз

не сказать ясней:
смерть страшна но жизнь
во сто раз страшней

пожелайте мне
помереть во сне

хоронили бедного Бориса
восемнадцатого октября
и как театральная кулиса
высилась стена монастыря
кто с высокой паперти на дольний
мир глазел кто шастал за стеной
а перед высокой колокольной
клен лоснился мертвой желтизной
поп топорщился за аналоем
действие длилось полтора часа
плыло пламя желто-голубое
в бледно-голубые небеса...

все потом столпятся у могилы
слушая как молотки стучат
веруя что ангелы и силы
встретят душу у отверстых врат

Автоэпитафия

которая будет писана
вилами на воде
реки Серебрянки
куда высыпят прах
в 201(?) году

покойник избегая звонницы
не пожелал лежать во гробе
спасаясь пивом от бессонницы
чудак беспечно печень гробил
в конце концов уснув навек
а все се тоже человек
был

*Подмосковье, кишащее змеями.
Чья-то дача у Электрогорска.
Втуне здесь со своими затеями
я ношусь, становясь легче волка.
И, как в детстве, боюсь этой темени:
что опять там? - медянка? гадюка?..
Ни минуты свободного времени.
Но взамен есть два сказочных внука.
Чтобы дисциплинировать армию,
выступающую вразнобой,
мы опять отправляемся в Нарнию
на последний решительный бой.*

когда тебе до чертиков тоскливо
припомни старый Тир и Угарит:
охваченная пламенем олива
горит но не сгорает но горит

сложи бетил тройной библейский камень
и погляди на Ханаан с высот:
змей по стволу ползет к орлу – веками
ползет не доползает но ползет

в корнях Мелькарт дарованный Астарте
достигнет края мира и небес
утопнет в феврале родиться в марте:
он жив? он мертв? – он заново воскрес

вот в море мчится бог на гиппокампе
вот в пламя прыгает вот созидает кров
из кораблей...

елей в плывущей лампе
мерцает как крыла перепелов

Воспоминание о Бессарабии

бродский¹ друкер² каплан ожиганов
Фрадис хорват капович панэ
бессарабский парнас хулиганов
и поэтов поющих по не-
подцензурным законам где мелос

как бредущий в осиннике лось
хорошо на Рышкановке пелось
на Ботанике славно пилося

жили как у подножья вулкана
только задним умом и крепки
и панэ наподобие Пана
чашку лбом разбивал в черепки
вот сидят все на Малой Малине
вот уходят Долиною Роз
веря: встретятся завтра же и не...
и не зная еще: не пришлось

кто в нью-йорке кто в кельне кто в Риме
кто в Москве кто в каком-то одном...
кто в небесном Иерусалиме
кто в иерусалиме земном
рождество на вокзале кабина
диск крутя – дождь-жар-дрожь
дождь-жар-дрожь –
где отечество а где чужбина
с бодуна ни за что не поймешь

дождь стук-звук привокзальных стаканов
и ступают опять на панель
бродский друкер каплан ожиганов
фрадис хорват капович панэ
и в бреду ли в хмельном ли угаре
возносясь над жестяным кустом
исчезают... а Штефан чел Маре³
осеняет их – снизу – крестом

¹ Александр Бродский.

² Борис Викторов.

³ Стефан Великий (памятник).

налейте мне. не надо сдачи.
еще один аперитив.
я наконец-то съехал с дачи.
покинул кооператив.
он обнесен железной сеткой.
внутри бурлит житье-бытье.
мы там не ладили с соседкой
и с шавкой бешеной ее.
мы там не ладили друг с другом
терпя друг друга кое-как
ступая друг за другом цугом
во избежание лишних драк.

андрей орет бросаясь к деду:
убью урод! проклятый дед!
сергей дудит: сейчас наеду!
и гонит свой велосипед
по лужам и камням ополья
моча и пачкая штаны
а сзади волоча дреколья
и все все – с левой стороны.
а там крутые повороты:
секунда – и прощай сергей!

а у жены свои заботы
помимо варки кислых щей.
она вопит: опять за пивом?!
но лавка на замке – увы!

и вот я за аперитивом
здесь на окраине москвы.
и не уподобляясь Лоту
оглядываюсь: ну и ну!

а! ладно – завтра на работу.
там наконец-то отдохну.

1 сентября 2006

юбилей без юбиляра.
на столе стоит водяра.
гости заняты едой.
на стене висит гитара.
и хозяйка просит: «спой!»

а виновник суматохи
больше ни глотка ни крохи
не возьмет сегодня тут
в рот. над ним чертополохи
третий год уже растут.

ничего. мы понимаем.
потому и поминаем.
все же христиане днесь.
но заигрывая с раем
все-таки пока мы ЗДЕСЬ.

ну а здесь свои законы.
и как ты не бей поклоны –
пресмыкаешься в пыли.
и подвержены персоны
притяжению земли.

юбилей без юбиляра.

17 декабря 2006

шестьдесят. как мне жить
далее даже не знаю.
бросить пить и курить?
обратиться к Китаю
стародавних времен?
как там в хижинах деды
жили? – «жизнь – это сон.
все несчастья и беды –
от незнания Пути.
чтобы сбросить оковы
надо встать и идти».

только я – непутевый.

или наоборот:
обратиться к порядку?
начертать план работ
и копать свою грядку
не стремясь никуда?
способ тоже не новый
но надежный всегда.

только я – бестолковый.

вот бреду я пешком
держа за́ руки внуков
то лужком то леском
среди травок и буков.
стрекозиный полет
взглядом сопровождаю

и кого кто ведет
я уже и не знаю.

Идеальна замкнутость круга.
Вырываться – чего бы ради?
Я сижу на могиле друга,
а точнее – на ее ограде,
пью молдавский коньяк, вернее –
приднестровский, он и дешевле.
Как сказал бы мудрец в Фернее,
лучше в американской сельве
грызть вареную кукурузу,
под седалище сунув скальпы,
чем, шары загоняя в лузу,
лезть с Суворовым через Альпы.
То есть выбора нет, товарищ
Сартр: сыграв, оставляешь сцену.
После смерти не отоваришь
жизнь, не сможешь назначить цену.
Ведь Вселенная – захолюстье,
как сказал знаменитый тезка.
И растет на могиле кустик
безымянно, светло, не броско.

Октябрь 2007

Тридцать шесть лет спустя

меня тошнит, как суку у забора¹
1973

меня тошнит от сигарет и кофе,
от этой блядской жизни, от себя,
сижу на кухне (на своей голгофе)
и матерюсь, сморкаясь и сопя:
зачем хлестал вчера водяру в «Звере»

¹ См.: Александр Ожиганов. Я // Ящери-речь. Книга поэм. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2005; <http://www.vavilon.ru/texts/ozhiganov1-4.html>

и у метро пил пиво из горла?
вот благоверная сейчас откроет двери
и поглядит на этого орла.
потом, тараща буркалы спросонья,
протянет: «та – ак, опять (мол) двадцать пять?»
и надо промолчать, ведь только тронь я,
опять пойдет пилить меня и пять...

Вчера звонил из Петербурга Леша:
он перевел Стахуру. молодец...
Я ж хлюпаю, как старая галоша,
и понимаю: это – все. Пиздец!

29 ноября 2009